

Очи наяды

Автор:

Наталья Александрова

Очи наяды

Наталья Николаевна Александрова

Детектив-любитель Надежда ЛебедеваРоковой артефакт

Давным-давно жрец бога морей похитил из храма два священных камня, которые были вставлены в глазницы статуи нимфы, одной из дочерей Посейдона. Оскорбленный бог проклял вора, а заодно и похищенные камни и постановил, что всякий, кто будет ими владеть, вскоре погибнет страшной смертью. Текст проклятия навеки был запечатлен внутри камней, и никто не мог прочитать его, ибо не знал того языка, на котором он был написан.

Питерской домохозяйке Надежде Лебедевой эта история показалась бы надуманной и годной лишь для бульварного романа, если бы к ней в руки не попала сломанная серьга с одним из священных камней. С этого момента неприятности вокруг Надежды стали следовать одна за другой. Что это – вмешательство неведомых сил или банальная охота за драгоценностями? Надежда полна решимости разгадать очередную загадку, которую ей подбросила судьба.

Наталья Александрова

Очи наяды

© Н. Александрова, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

– Куда вы это несете?! Вы что, читать не умеете?

Надежда вздрогнула и едва не выронила из рук две сложенные картонные коробки, а также большой пакет со старыми тряпками и еще непонятно с чем.

Коробки, которые закрывали обзор, все-таки плюхнулись на мокрый асфальт, и перед Надеждиным взором предстала внушительная тетка в куртке цвета пожарной машины. Глаза ее были зло сощурены, так что веки, жирно намазанные бирюзовыми перламутровыми тенями, предстали во всей красе. Надежда, признавая бирюзовый цвет исключительно на бирюзе (ни шарфики, ни блузки, ни купальники такого цвета ее никогда не привлекали), а перламутр – на ракушках, посмотрела на тетку не слишком приветливо.

– Женщина, вы что, немая от рождения? – поинтересовалась вульгарная особа, при этом губы ее, покрашенные ярко-красной помадой, двигались как две гусеницы, хватившие лишку.

Хамства Надежда не терпела и, хотя была воспитанной и интеллигентной, постоять за себя умела.

– Что вам угодно? – сухо спросила она. – Отчего вы стоите на дороге и мешаете мне пройти с мусором?

– Вот именно, с мусором! – взвизгнула тетка. – Куда, интересно, вы его несете?

– На помойку. Куда же еще его нести? В химчистку, что ли? – удивилась Надежда.

– А читать вы умеете? – толстый палец с квадратным ногтем, по цвету схожим с пожарной машиной, указал куда-то вверх.

Задрав голову, Надежда увидела на двери в мусорокамеру, где теперь стояли баки, грозное объявление: «Крупногабаритный мусор не бросать! Кто бросит – будут приняты крайние меры!»

Стиль объявления впечатлял.

Когда-то давно Надежда Николаевна работала в НИИ в должности старшего инженера и каждый год сдавала экзамен по технике безопасности. Среди вопросов попадались, например, и такие: «Виды плакатов». Надежда до сих пор помнила, как инструктор занудным голосом перечислял, что плакаты бывают оградительные, информирующие и строго запретительные, как, скажем, «Не влезай, убьет!». Коротко и ясно. Еще и череп нарисован, наверное, для неграмотных. Но это в крайнем случае, когда действительно может убить, если влезешь, к примеру, в трансформаторную будку.

Интонация объявления была та самая, советская, сурово запретительная, что никак не совпадало с масштабом, так сказать, самого преступления. Разумеется, если под крайними мерами не подразумевался немедленный расстрел на месте того, кто посмел нарушить приказ.

Надежда хмыкнула и хотела уже уточнить, что именно ей грозит, но не успела.

– А вы, женщина, из какой квартиры? – строго спросила тетка.

– А вы? – тут же спросила Надежда.

Что, в самом деле, за допрос с пристрастием! Хотя, судя по интонации и внешнему виду, было понятно, что тетка в красном – мелкое начальство.

– Я – председатель тесеже! – от возмущения теткин голос уподобился сирене пожарной машины.

От этого самого «се», а не «эс», как говорят грамотные люди, Надежду покорило. Впрочем, кто бы сомневался, учитывая бирюзовые тени и прочую боевую раскраску.

– Вот и написали бы, куда нести крупногабаритный мусор, – посоветовала Надежда, – тогда вам не пришлось бы целый день проводить возле мусорных баков.

От злости теткино лицо слилось по цвету с помадой, и она процедила:

– Знаю, вы с пятого этажа, там однокомнатная пустует, никто не живет уже два года.

«А тебе какое дело? – хотела огрызнуться Надежда. – Все коммунальные услуги я оплачиваю полностью и вовремя, никогда не задерживаю...» – но взяла себя в руки и промолчала, решив не давать настырной тетке против себя никакого козыря. Все же она хоть мелкое, да начальство, может сделать гадость.

– Обойти дом, свернуть за угол, там по тропинке через скверик, мимо стоянки – вот и будет контейнер, – скороговоркой отбарабанила тетка и отвернулась.

Надежда была так зла, что даже не поблагодарила, а подхватив размокшие коробки, пошла в указанном направлении, сетуя, что взяла слишком много. Знала бы, что помойка далеко, сходила бы два раза.

Из знакомых и бывших соседей по пути ей никто не встретился, что, впрочем, было неудивительно – время-то дневное, все на работе, но когда она пересекла крошечный сквер и повернула к импровизированной автомобильной стоянке (полдюжины машин, огороженных полосатой лентой), внезапно перед ней возникло жуткое существо.

Существо было одето в сильно поношенное женское пальто с меховым воротником-шалькой, до того поеденным молью, что было непонятно, чей это мех – не то песец, не то чернобурка, а может, вообще какая-нибудь водяная крыса. Надежде Николаевне сразу стало ясно, что ничего хорошего от этой встречи ожидать не приходится, она сделала шаг назад, но нога подвернулась, и она едва не упала, натолкнувшись на ближайшую машину и выронив коробки и пакет.

Существо шагнуло к ней, и Надежда увидела горящие, как угольки, маленькие глаза под нависшими кустистыми бровями и неопрятную клочковатую бороду, сливавшуюся по цвету с воротником пальто.

«Значит, все-таки песец», – совершенно некстати подумала Надежда.

– Деньги есть? – прохрипел бомж.

Денег у Надежды не было, поскольку она шла на помойку и не взяла с собой ни сумки, ни кошелька – зачем?

Она отступила и ощутила холодный капот машины. Хоть бы сигнализация включилась, что ли...

– Давай деньги! – Бомж приблизил лицо и обдал Надежду зловонным дыханием.

– Нет! – закричала она, опомнившись и попытавшись его оттолкнуть. – Нет денег!

– А ты поищи, – он легко усмирил ее трепыхания, – как следует поищи, для тебя же лучше...

Надежда испугалась, но не сомлела, а напротив, испытала прилив энергии и попыталась пнуть бомжа в уязвимое место, но пальто было таким просторным, что определить это самое место было практически невозможно.

– Ищи! – приказал бомж.

И Надежда полезла в карман, хотя знала, что все это зря, поскольку на ней была старая куртка, повисевшая на вешалке неведь сколько времени, и никаких денег в ней не могло быть по определению.

Она нащупала в кармане какую-то бумажку, предположив, что это давно оплаченная квитанция или билеты в кино, и каково же было ее удивление, когда бумажка оказалась купюрой, правда, малого достоинства.

– Вот, – она протянула бомжу десятку.

Тот сгреб купюру грязной лапой и выжидающе уставился на Надежду.

– Еще давай!

– Да нет!

Она зашарила по карманам и выложила ему в лопатообразную ладонь еще сколько-то случайно найденной мелочи – рубля три, не больше.

– Все! – сказала Надежда и втянула голову в плечи в ожидании удара по голове. Ножа у него вроде не было, так может, и обойдется. Хотя лапища такая, что и кулаком убить может.

Бомж, однако, драться не стал. Будто не веря, обшарил Надеждин карман, ругнулся тихонько и сказал:

– Дело сделано!

Затем подмигнул Надежде, шагнул в сторону и пропал, как не было. Просто растворился среди бела дня. Ну, эти прятаться умеют. Жизнь научила.

Надежда сумела перевести дух только минут через пять. А до этого времени так и стояла, облокотившись на капот чужой машины. Потом спохватилась, что пора уносить ноги, а то еще кто-нибудь привяжется, а денег у нее больше не было. Чудо, что еще та мелочь в кармане оказалась.

Подхватив вконец отсыревшие коробки, она устремилась к помойке, выбросила мусор в контейнер и вернулась в квартиру, заперев за собой все двери.

Только тогда она успокоилась. Точнее, не успокоилась, а разозлилась: на себя – за жуткий страх, испытанный перед бомжом, на тетку из ТСЖ, которая послала на дальнюю помойку, а заодно и на Ирку Мурашову, втравившую ее в эту историю.

С Ирккой, точнее с Ириной Анатольевной Мурашовой, они когда-то работали вместе и даже дружили. Потом Ирка уволилась, поскольку ее мужа-военного перевели в другой город, а когда вернулась, в институт уже не стала устраиваться, нашла что-то получше, со свободным графиком. С Надеждой они перезванивались и даже изредка встречались.

Вот и позавчера Ирина позвонила и, как всегда, торопливой скороговоркой изложила просьбу:

– Надя, я знаю, конечно, что неудобно, но мне просто не к кому обратиться.

– Да что случилось-то, все у тебя здоровы? – всполошилась Надежда Николаевна.

Выяснилось, что все здоровы и в семье даже радость – Илья женился. Надежда искренне обрадовалась, поскольку женитьба сына была самым большим Иркиным вопросом. Она родила его рано, и сейчас ему было уже прилично за тридцать, а он все не мог найти девушку.

Сначала Ирка переживала, что Илья женится рано, потом ей не нравились девицы, которых он приводил в дом, – все как одна нагловатые и вульгарные, а по прошествии времени, когда она уже была согласна на все, заупрямился сын. На все разговоры матери о женитьбе он отвечал, что ему и так неплохо, и просил оставить его в покое. Хорошо еще, не посылал куда подальше открытым текстом! Правда, такого за ним никогда не водилось. Илья, насколько помнила Надежда, был незлым и довольно вежливым.

– Ну, я за вас всех рада! – сказала Надежда, ничуть не кривя душой. – А девушка-то кто, как познакомились?

Далее последовал пространный рассказ. Познакомился Илья с будущей женой, как это теперь часто бывает, в Сети, в каких-то чатах. Подробностей Ирка не знала, потому что сын тщательно скрывал свою личную жизнь. Девушка жила в далеком сибирском городе, и сын отправился туда, наврав матери, что его послали в командировку.

– Если ты думаешь, что я ничего не поняла, когда он вернулся, то ты плохо меня знаешь! – тараторила Ирина.

Надежда так не думала, ибо прекрасно ее знала. Ирка была мастером перекрестного допроса и очень внимательна к мелочам и деталям, почти как сама Надежда. И если бы Ирка не тарыхтела, как неисправный мотоцикл, не трещала, как сорока, и не выбалтывала все даже малознакомым людям, то цены бы ей не было. Так что скрытность Ильи понять было можно.

В общем, вернувшись, сын стал нервным и дерганым. Ирка, как мать, заподозрила неладное, взяла грех на душу и залезла в его почту.

– Ну, это ты зря... – укорила ее Надежда, – этак можно совсем с сыном рассориться.

И верно, разразился жуткий скандал. Девушка оказалась не первой молодости, ей, как и Илье, было прилично за тридцать, а в этом возрасте если замуж не выйти, то можно и на всю жизнь остаться одной. Илья же все колебался – с родителями он жить не хотел, а больше жену привести было некуда.

Короче, история тянулась около полугода, с сыном стало совершенно невозможно общаться, она, Ирка, едва инфаркт не получила, пока девушка наконец не взяла все в свои руки. Она уволилась с работы, собрала вещи и приехала в Петербург. Илья снял ей квартиру, и два месяца они выясняли отношения, после чего сын привел ее в дом и объявил, что женится.

– Ну и как она тебе?

– Ну... скромная такая, неказистая... – в Иркином голосе слышались нотки заправской свекрови.

Насколько Надежда помнила, Илья тоже был далеко не красавец – вечно лохматый, плохо выбритый, и вес явно лишний.

– На работу устроилась, она вообще-то врач... – нехотя пробормотала Ирка.

– Ну вот видишь, свой врач в семье всегда пригодится!

– Ну да... Слушай, я чего звоню-то! – спохватилась Ирка. – Сейчас всю проблему изложу!

«Да уж сделай такое одолжение, – подумала Надежда, – а то минут сорок уже болтаем, а у меня дел невпроворот».

Время близилось к вечеру, часа через два с работы должен вернуться муж, а у нее, Надежды, ужин не готов. Сан Саныч много работал, так что ее долгом и святой обязанностью было о нем заботиться, а не по телефону часами болтать.

Ирка, как уже говорилось, была наблюдательной, так что по Надеждиному выразительному молчанию поняла, что той время дорого, и приступила к сути.

- Надя, войди в положение! Ребята поженились, а квартирная хозяйка вдруг им отказала - нашла жильцов, которые больше платить будут. Они сунулись туда-сюда, а везде цены подняли, или уж такая халабуда, что и войти страшно. Мы маму мою к себе взяли, ее квартиру продали, купили жилье в новостройке. Да только там обещали дом сдать через полгода. А надо же еще на ремонт подкопить... В общем, Надя, ты сейчас у мужа живешь, а...

- Поняла, - перебила ее Надежда, - так бы сразу и сказала: пусти молодых пожить в свою однокомнатную квартиру. Она все равно пустует.

- Ну да, всего на несколько месяцев...

- Пущу, конечно, только коммуналку пускай сами оплачивают.

- Что? Нет, бесплатно Илья не согласится, он такой стал упрямый, гордый... Знаешь, он ведь работу поменял, теперь у ювелира в помощниках. Давно, говорит, мечтал этим заниматься, а не в офисе сидеть, груши околачивать...

Договорились, что платить будут половину обычной цены, въедут на выходных, а то сидеть друг у друга на головах сил уже не было.

После разговора Надежду одолели заботы. Давно она в той квартире не была... И пусть в свое время ремонт был сделан и сантехника новая стояла, но все же надо бы и проветрить, и пыль вытереть.

Квартира стояла пустая и грустная, так что даже хорошо было, что кто-то в ней поживет. Надежда вытерла пыль, очистила вся ящики на кухне и набила пакет ненужными тряпками и обувью. Даже удивительно, почему она раньше все это не выбросила. Включила воду, убедилась, что все исправно функционирует, нигде не протекает, и пошла на помойку. И вот что из этого вышло.

Пока она вспоминала Ирку, злость прошла. И время тоже. Так что Надежда спохватилась, наскоро протерла пол и оглядела квартиру. Все в порядке, пускай Илюшина молодая жена сама теперь чистоту поддерживает. Кстати, Ирка хоть и

свекровь, но девушку хвалила: аккуратная, дескать, и расторопная, домашней работы не боится.

Что ж, похоже, Илье повезло.

На вешалке в прихожей скучала та самая куртка, в которой Надежда ходила на помойку. И куда ее деть? Выбросить? Она рассмотрела куртку и обнаружила, что та почти не ношенная. Что ж, надо взять домой, постирать да отвезти на дачу, там теплые вещи всегда пригодятся.

Надежда убрала куртку в непрозрачный пакет и отправилась домой.

Уже наступили ранние осенние сумерки. Чтобы срезать путь до метро, Надежда, свернула за угол и пошла по знакомой тропинке, но тут же пожалела об этом: единственный фонарь не горел, и в сумерках едва можно было различить дорогу.

Возвращаться не хотелось, и она двинулась дальше, благо идти было недалеко. Впереди, метрах в ста, виднелась освещенная улица, спешили по своим делам люди, проезжали машины. Надежда миновала крошечный сквер и увидела темнеющий за стоянкой мусорный контейнер, возле которого происходило едва заметное движение.

Она вспомнила странного бомжа и прибавила шагу, чтобы скорее пройти опасное место, но ее взгляд как магнитом притягивало к мусорке. Надежде показалось, что там возится какое-то большое животное. Отблеск фар проехавшей вдалеке машины на мгновение вырвал из темноты взъерошенный мех... Точно животное. Медведь? Да откуда в городе медведь! Разве что большая собака... Но все равно опасно.

В это время темная фигура возле контейнера выпрямилась, и Надежда разглядела женщину средних лет в странной старомодной шляпке, отделанной мехом. Этот-то мех и сбил ее с толку.

Надежда невольно замедлила шаги и сочувственно спросила:

- Женщина, у вас все в порядке?

Незнакомка шагнула ей навстречу и взволнованно, торопливо проговорила:

- Темно, фонарь не горит, ничего не видно!

«Что же вы здесь делаете, в темноте?» - хотела ответить Надежда, но сдержалась. Она уже пожалела, что начала разговор, нужно было просто пройти мимо.

- У вас есть чем осветить? - продолжила незнакомка.

- Ну, если только телефоном... - и Надежда машинально достала и включила аппарат.

Неужели у этой странной женщины нет своего телефона? Свет от дисплея упал на незнакомку, и Надежда разглядела какое-то хитрое и недоброе лицо с острым любопытным носом и узкими, неприязненно поджатыми губами. Хотя, может быть, ей это только показалось от падающего снизу голубоватого искусственного света.

- Вы зачем на меня светите? - фыркнула женщина. - Вы туда осветите, на землю...

- Вы потеряли что-то?

Внезапно женщина шагнула к Надежде и скороговоркой произнесла:

- Это у тебя? У тебя? Он тебе продал?

- Что? - Надежда попятилась. - Да о чем вы? И что это вы мне тыкаете?

- Скажи правду! Правду скажи! - пробормотала незнакомка, надвигаясь на Надежду, и вдруг схватила ее за рукав: - Это у тебя?

- Да отпустите же!

Надежда попыталась сбросить руку незнакомки, но та вцепилась в рукав, как бультерьер, и повторяла, сверля Надежду маленькими неприязненными глазами:

- Это у тебя? Лучше признайся!

- Да что же это такое! Сколько можно! - Надежда сильнее дернула руку, но незнакомка так крепко держала рукав, что Надежда едва его не оторвала.

Наконец ей удалось-таки вырваться, но незнакомка забежала вперед и встала на пути Надежды, приоткрыв рот и оскалив мелкие острые, будто лисьи зубы.

- Лучше скажи! - повторила она и шагнула вперед.

«Этак она меня еще покусает! - испуганно подумала Надежда. - Сумасшедшая какая-то! Прививки от бешенства делать придется!»

Она перехватила сумку, чтобы в случае чего стукнуть сумасшедшую, как вдруг рядом раздался тонкий сердитый лай, и из темноты вырвалась маленькая черная собачка с квадратной бородатой мордой. С грозным лаем она кинулась к ногам незнакомки и попыталась ее укусить. Та взвизгнула и бросилась наутек.

- Тяпа, паршивец, ты что делаешь? - раздался удивительно знакомый голос, и тут же появилась соседка Надежды - Мария Петровна.

Надежда облегченно выдохнула. Теперь она и собачку узнала - это был скотчтерьер Марии Петровны по кличке Тяпа.

- Женщина, извините, он вас напугал... Он безобидный, не знаю, что это он вдруг разошелся... никогда с ним такого не бывало... - смущенно проговорила Мария Петровна и тут наконец разглядела Надежду. - Надя, это ты? - удивленно проговорила она. - А я думаю, кто это тут в темноте ходит... Не напугал тебя мой хулиган?

- Да нет, все в порядке! Мы же с ним старые друзья! - Надежда наклонилась и потрепала Тяпу за ушами. Тот благодарно твякнул и потерся об ее ноги.

- Ты у себя была? А что же к нам не зашла? - с упреком заговорила соседка.

- Не успела, Мария Петровна, - покаялась Надежда, - провозилась с уборкой, домой бегу, Сашу встретить надо да ужином накормить.

- Квартиру сдать надумала? - догадалась Мария Петровна. - Что ж, давно пора. Чего добру пропадать? Люди хоть приличные? А то я присмотрю.

Надежда уверила ее, что люди приличные и всего на несколько месяцев, и пошла было в сторону улицы, но соседка увязалась за ней.

- У вас теперь товарищество организовали? - спросила Надежда. - Я председателя видела.

- Ну да. Как организовали, так она сразу и проявилась, Копылова эта, - Мария Петровна недовольно нахмурилась. - Грубая женщина, замашки у нее начальственные, но за порядком следит, этого у нее не отнимешь.

Тут Надежда увидела нужную маршрутку и бросилась вперед, на ходу крикнув соседке, что еще увидятся.

И как в воду глядела.

Утром раздался телефонный звонок. Это была Мария Петровна.

Поднося трубку к уху, Надежда успела подумать, что раньше месяцами не видела и не слышала соседку, а тут - вчера встретила, и вот она снова звонит... Что стряслось? Неужели все-таки сантехника не в порядке или трубы прорвало и она залила соседей? Этого еще не хватало!

- Да, Мария Петровна, слушаю!

- Ты только не пугайся, Надя... - проговорила соседка озабоченным голосом.

Надежда была не из пугливых, но такое начало разговора заставило ее занервничать. Значит, все-таки залила...

- Что случилось?

- Да говорю же - не пугайся. Ничего особенного...

- Да говорите уже!

- Ты сидишь?

Надежда опустилась на подвернувшуюся кухонную табуретку.

- Ну что все-таки случилось?

- В твою квартиру залезли...

Тяпа с утра вел себя странно, нервничал, лаял, вертелся возле входной двери. Мария Петровна решила, что он торопит ее на прогулку, и строго проговорила:

- Подожди немножко, у меня суп на плите. Доварится, тогда и пойдем!

Но Тяпа все не унимался.

Мария Петровна открыла окно на кухне и услышала странные звуки, доносящиеся из соседнего окна: шаги, подозрительные скрип и стук, как будто в соседней квартире что-то искали и при этом двигали мебель.

«Надя, что ли, опять приехала, - подумала Мария Петровна. - Да еще с утра пораньше... вроде вчера только была...»

- Надя, это ты? - окликнула она соседку, но никто не ответил, однако шум затих.

Тяпа между тем все не унимался.

Марии Петровне передалось его беспокойство, она выглянула на лестничную площадку и увидела только, как мелькнули спины двух убегающих людей.

Она подошла к соседской двери, дернула за ручку – и дверь легко открылась.

Мария Петровна вошла в квартиру. На полу в прихожей виднелись грязные следы, кухонные шкафчики были распахнуты, возле стола, рядом с опрокинутым стулом, валялись осколки разбитой чашки.

Увидев следы, оставленные незваными гостями, Мария Петровна тотчас же позвонила соседке.

– Спасибо, я сейчас приеду! – проговорила Надежда, выслушав взволнованный рассказ.

– Приезжай, Надя, приезжай! А то я тут караулю, а у меня суп варится, и Тяпу на прогулку вывести нужно!

Надежда приехала так быстро, как смогла. Хотела такси взять, но решила, что на метро получится быстрее. Так и оказалось. Муж бы отвез ее на машине и разобрался, что там, в квартире, случилось, но сегодня ранним поездом Сан Саныч уехал в Москву.

Мария Петровна сидела на стуле, на пороге ее квартиры, зажав в руках швабру. У ее ног примостился Тяпа.

– Ну, что тут у вас случилось? – проговорила Надежда энергичным голосом.

– Вот, гляди – дверь открыта, в квартире кто-то наследил... А что пропало, ты уж сама смотри!

– Ну, тут особенно ничего и не было.

Надежда вошла в квартиру и огляделась. Да, тут, несомненно, кто-то похозяйничал, – грязные следы на полу, распахнутые дверцы шкафов, выдвинутые ящики. На первый взгляд ничего не пропало. На второй и третий – тоже. Впрочем, в квартире и не было ничего ценного. Только телевизор, да и то не новый... И кому он нужен-то?

Мария Петровна шла следом, с любопытством озираясь по сторонам. Тяпа, тихонько поскуливая, жался у ее ног.

– Вот ведь странно, – проговорила соседка задумчиво, – столько времени ты здесь не была, и ничего не случилось, а как вчера приехала – так сразу такое дело...

– Ну, может, я и сама виновата. У меня вообще-то два замка, но один, который более надежный, вчера заедал, и я закрыла только на второй, а он хлипкий, его открыть ничего не стоит. Я смазку привезла, сейчас смажу замок...

– Ну да, ну да, может, в этом все дело... Хотя наша Копылова за порядком следит, и краж в доме за последнее время не случилось. Да и у тебя, считай, не кража, а так, мелкое хулиганство. Квартира-то пустая стоит...

– Надо же, только вчера полы вымыла, а эти снова грязи нанесли, – сокрушалась Надежда.

Мария Петровна смекнула, что Надежде болтать недосуг и ретировалась, тем более что Тяпа громко требовал, чтобы его вывели наконец на прогулку.

Оставшись одна, Надежда Николаевна не стала охать и всплескивать руками, а, засучив рукава, принялась за уборку. Управилась быстро, и мусора набралось немного, так что тащиться на дальнюю помойку нужды не было.

Покосившись на объявление в подъезде и вспомнив тетку в красном, она усмехнулась и направилась в сторону метро, решив по обыкновению срезать путь. Проходя через скверик, Надежда на всякий случай внимательно смотрела по сторонам. Если снова появится вчерашний бомж (или кто-нибудь другой), она уж не растеряется, сразу заорет благим матом. Но никого не было.

Прежде чем повернуть в сторону улицы, она бросила взгляд на контейнер и не поверила своим глазам. За контейнером лежал человек в старом зимнем пальто. Поношенная ткань и воротник-шалька, до того проеденный молью, что непонятно, из меха какого зверя он был сшит. То самое пальто, в котором вчера на этой самой тропинке ее встретил бомж и отобрал деньги. Небольшие, правда. Не впрок значит, денежки-то пошли...

Надежде стало нехорошо. А кому, спрашивается, приятно видеть труп? Что делать? Звонить в «скорую»? В полицию? Или просто пройти мимо, как будто ничего не заметила? Последний вариант был самым разумным, но ноги словно приросли к земле, а взгляд невольно притягивался к бесформенной куче, в которую превратился вчерашний бомж.

– Безобразие! – послышался сзади знакомый голос, и Надежду смели с тропинки, как осенний листок, так что ей пришлось ступить прямо в лужу.

Мимо пронеслось что-то красное, объемное. Ага, появилось официальное лицо, как раз кстати.

– Безобразие! – повторила Копылова и, не подходя к трупу, нырнула за контейнер, откуда выволокла хлипкого смуглого человека в оранжевой жилетке дворника и нависла над ним. – Я тебе что велела? Я тебе велела убрать эту гадость! А ты что?

Человек что-то жалобно блеял в ответ.

– Немедленно его выброси и подмети тут! – продолжала орать Копылова, и Надежда встревожилась.

Уж не собираются ли они выбросить труп в мусорный контейнер? Да с этой Копыловой станется.

В это время дворник подошел к трупу и наклонился над ним. Надежда подумала, что, учитывая его хилое телосложение, он не сможет поднять тело в одиночку. Тем не менее дворник без труда поднял пальто, кое-как сложил и хотел уже бросить в контейнер, но Копылова раздраженно завопила:

– Да не так! Все вас, косоруких, учить надо!

Подскочив к дворнику, она выхватила пальто, встряхнула как следует, отчего поднялось облако пыли и полетели какие-то щепки, а затем ловко свернула в аккуратный сверток и засунула в контейнер. Не веря своим глазам, Надежда устала на грязный асфальт, где ничего не было.

– И прибери тут все! – Копылова ногой брезгливо отшвырнула мусорный мешок, который Надежда приняла за голову мертвого бомжа. – Вон люди смотрят...

Втянув голову в плечи, Надежда хотела рвануть к улице, но на чем-то поскользнулась, и повалилась на плохо выметенную дорожку. Хорошо, что Копылова была занята дворником и не увидела ее позора.

Осознав, что ничего не повредила и даже пальто не запачкала, Надежда встала и заметила, что поскользнулась на пуговице, которая валялась на дорожке. Надо же, обычно она более твердо стоит на ногах.

«Да уж, у страха глаза велики, – посмеивалась Надежда, направляясь к метро. – Пальто приняла за покойника...»

Но следующая мысль заставила ее помрачнеть. Дело в том, что Надежда Николаевна была слегка близорука, однако очки надевала только дома перед телевизором или в темном зале кинотеатра. Неужели теперь и на улице придется носить очки?

Какой ужас! Они ей совершенно не идут...

Вернувшись домой, Надежда наткнулась в коридоре на большой пакет. Ах, ну да, это ведь та куртка, которую она привезла вчера из своей квартиры. Снимая сапоги, она наклонилась и заметила, что пластиковый пакет разорван в нескольких местах. Разглядев пять аккуратных дырочек, Надежда поняла, кто тут орудовал, и привычно, без должного драйва сказала:

– Бейсик, как тебе не стыдно!

Тотчас в прихожей беззвучно материализовался пушистый рыжий котяра.

«А, это ты?» – говорил его удивленный взгляд.

– Нет, не я, – сердито ответила Надежда. – Бейсик, прекрати свои штучки. Если ты порвал куртку – выдеру!

«Да ладно! Это пустые угрозы!» – Кот мигнул желто-зелеными глазами и потянулся.

И то верно, вздохнула Надежда, кот прекрасно знал, что ничего ему не будет. Ну, шлепнет Надежда его пару раз газетой или полотенцем – вот и все наказание.

Кот ушел на кухню, а Надежда достала куртку, чтобы постирать, но, прежде чем засунуть ее в машинку, по укоренившейся привычке проверила все карманы. А то всякое бывает. Один раз она оставила в кармане джинсов бумажную салфетку, и та превратилась в кучу размокших клочков, так что пришлось джинсы перестирывать. А одна знакомая как-то постирала мужнин летний пиджак вместе с паспортом...

В правом наружном кармане она нащупала какой-то маленький твердый предмет и, достав, удивленно уставилась на прозрачную, чуть вытянутую вещицу размером с некрупную виноградину, в тонкой металлической оправе.

Откуда она взялась?

Надежда была уверена, что, кроме мелочи, которую она выгребла и отдала бомжу, в этом кармане ничего не было. Десятка еще завалилась, но ее бомж тоже экспроприировал. После этого карман оказался совершенно пуст. Она его тогда чуть не вывернула, показывая бомжу.

Надежда еще раз удивленно осмотрела находку.

Простая стекляшка?

Однако, приглядевшись, она заметила, что оправка вещицы – лоза с изящными виноградными листьями – представляет собой очень тонкую работу. Надежда отправилась на кухню за лупой, и в это время случайный солнечный луч из окна прямоком упал на стекляшку в ее руках. Та вспыхнула ослепительным радужным сиянием, вокруг брызнули искры голубого, белого, синеватого света.

– Это вовсе не стекляшка! – Надежда так поразилась, что произнесла эти слова вслух.

Даже Бейсик, почувствовав волнение в голосе хозяйки, оторвался от своей миски.

Надежде нечасто случалось видеть настоящие бриллианты, но все же бывало. Например, в старинном кольце, которое муж подарил ей на свадьбу. Но в нем бриллиант был совсем маленький, хоть и чистой воды. А размер того, который она сейчас держала в руке, впечатлял.

Но как он оказался у Надежды в кармане?

Она вспомнила, как шла в этой куртке на помойку, как к ней подошел странный бомж, как она отдала ему все деньги... А наглый бомж, не поверив, сам залез в карман, чтобы проверить...

Не может быть, чтобы это он положил в карман Надежды драгоценный камень! Бред какой-то!

С каких это пор у нас бомжи раздают прохожим бриллианты?

Вспомнив уличного попрошайку, Надежда тщательно протерла бриллиант антисептиком и положила его на стол, предварительно подстелив салфетку. Потом достала лупу и внимательно изучила украшение.

Что это может быть? Подвеска? Но нет никакой петельки, на что вешать и куда цеплять. И не брошка, поскольку нет замочка.

Кот с грустью оглядел пустую миску и вспрыгнул к Надежде на колени. Ему тоже было интересно, и он даже легонько тронул бриллиант лапой, но Надежда сурово это пресекла. Кот повозился немного и задремал, а Надежда задумалась и поняла, что бомж был какой-то странный. В самом деле, бомжи обычно не то чтобы безобидные, но не такие агрессивные. В основном ошиваются возле магазинов, пробавляются мелкой работой, а если уж совсем невмоготу с похмелья, то на пиво просят. Сейчас, правда, редко кто дает, люди деньги считают.

А если уж бомж попался такой агрессивный, то тринадцатью рублями с копейками он бы не удовлетворился. Взять, конечно, с Надежды было нечего, но

сережки золотые снял бы...

- Сережка!

Надежда, забыв о коте, резко вскочила с места. Но и кот был не промах - не открывая глаз, вцепился всеми четырьмя лапами в хозяйку, да так и повис.

- Ой! - Надежда плюхнулась обратно.

Кот даже не проснулся, а она снова рассмотрела фигурную оправу и заметила на веточке небольшой скол. Ну понятно, это дужка серьги отломилась. Надежда приложила «капельку» к уху. Что ж, подходит. Точно, это серьга.

Неясно только, как эта серьга оказалась у Надежды в кармане, но это она обязательно выяснит.

Дело в том, что Надежда Николаевна Лебедева имела несколько необычное хобби - она обожала разгадывать загадки. Причем не те, что в детских журналах: «найди десять отличий» или реши всем известную задачку про карлика, который живет на восьмом этаже, а едет в лифте отчего-то только до пятого.

Нет, загадки, которые любила Надежда Николаевна, были исключительно криминального свойства и находила она их в самых, казалось бы, обычных вещах и событиях. Например, отчего у соседки пропала с комода керамическая статуэтка, или какую тайну скрывает старое сломанное кресло, доживающее свой век на чердаке дачного дома ее бывшей коллеги[1 - Читайте романы Н. Александровой «Восемь обезьян» и «Кресло на чердаке».]

Вот и сейчас, глядя на бриллиантовую «капельку», Надежда почувствовала легкое покалывание у корней волос, а это означало, что с сережкой связана какая-то загадка, которую она, Надежда, обязательно отгадает.

Ибо не нашелся еще на белом свете такой человек, который смог бы остановить Надежду Николаевну Лебедеву, если она захочет что-то узнать.

Надежда тут же разработала план действий. Найти того бомжа, который сунул ей в карман сережку, она не сможет. Во-первых, это еще неточно. Во-вторых, учитывая выброшенное пальто, где его искать-то?

Всплыла мысль, что бомж неслучайно выбросил приметное пальто, но Надежда отогнала ее как несвоевременную. Она всегда умела ставить перед собой чисто конкретные задачи, так что для начала решила узнать все о сережке.

Значит, нужно обратиться к ювелиру, и лучше не к первому попавшемуся, а к знакомому. Но у Надежды не было знакомого ювелира. Найти, конечно, не проблема – знакомых у нее множество и все приличные люди, непременно посоветуют кого-нибудь, но на это уйдет время, которого Надежде вечно не хватало. К тому же вечером вернется муж, а там и выходные, когда из дома незаметно не выскочишь.

И тут она вспомнила, что сын Ирки Мурашовой поменял профессию и теперь работает ювелиром. Неизвестно, конечно, какой он там специалист, но уж бриллиант от стекляшки отличить, наверное, сможет.

Примерно полчаса ушло на то, чтобы отцепить все восемнадцать кошачьих когтей от юбки (причем кот так и не проснулся), позвонить Ирке и выяснить адрес торгового центра, где работает ее сын. Оказалось, что его смена только завтра.

Надежда было расстроилась, но тут позвонил муж и сказал, что на вечерний поезд не успевает, а вернется завтра дневным.

Она убрала сверкающую «капельку» в коробочку от старого кольца и сосредоточилась на домашнем хозяйстве.

Возле входа в торговый центр висел небольшой плакат: «Ремонт часов и ювелирных изделий – второй этаж, секция двадцать восемь».

Игнорируя эскалатор, Надежда поднялась на второй этаж по лестнице. С некоторых пор она взяла за правило по возможности не пользоваться лифтами и эскалаторами, а как можно больше ходить пешком. Говорят, это полезно для

здоровья, но Надежда больше беспокоилась о той неутешительной цифре, которую ей по утрам демонстрировали безжалостные весы.

На втором этаже находился большой сетевой ресторан, а возле входа в него примостился стеклянный киоск, в котором, как большая рыба в аквариуме, сидел мужчина лет тридцати пяти.

Надежда не сразу узнала в нем Иркиного сына. Тот Илья, которого она помнила, был неопрятным, неухоженным типом с сальными нестриженными волосами и клочковатой бородой, в свитере неопределенного цвета, растянутом на локтях и обсыпанном перхотью.

Теперь же в киоске сидел привлекательный, аккуратно подстриженный, гладко выбритый мужчина в зеленом пуловере. Илья даже заметно похудел, что определенно ему шло.

Все эти благотворные перемены Надежда отнесла на счет молодой жены и поставила этой незнакомой женщине жирный плюс в воображаемом табеле.

В данный момент Илья был занят – перед киоском стояла неумеренно накрашенная блондинка лет сорока. Надежда решила не мешать и остановилась в паре шагов.

– Конечно, я могу сделать то, что вы просите, – говорил ювелир мягким, убедительным тоном, – но, честное слово, жалко портить такую красоту...

– Нечего жалеть старье это! – возражала блондинка резким, визгливым голосом. – Подумаешь, красота! Кому это нужно? Да этой цепке, наверное, лет сто!

– Может быть, даже больше, но это делает его только интереснее...

– Ничего в нем нет интересного! Говорю – переплавь его и сделай нормальное кольцо и сережки! Это старье я все равно ни за что носить не буду! Тем более что от свекрови досталось!

Надежда из любопытства вытянула шею и заглянула через плечо блондинки. На прилавке лежало старинное серебряное ожерелье удивительно тонкой работы – листики и веточки переплетались, образуя чудесный кружевной узор.

– Ну, как скажете... – вздохнул Илья. – Желание клиента – закон.

– Вот именно! – удовлетворенно проговорила клиентка. – Закон! Значит, переплавь это и сделай, что я сказала... как на той картинке в журнале!

Илья выписал квитанцию, блондинка отошла, и Надежда заняла освободившееся место.

– Слушаю вас, – проговорил Илья, убирая ожерелье в ящик.

– Не узнаешь меня? – спросила Надежда.

Илья поднял на нее глаза и улыбнулся:

– Ох, Надежда Николаевна! Это вы?

– Я, я. А ты, кстати, очень хорошо выглядишь. Женитьба тебе явно на пользу. Вот, принесла ключи.

– Мне так неудобно, что вам пришлось самой... я бы подъехал куда скажете... Спасибо, что вошли в наше положение...

– Да ничего, мне не трудно, – Надежда решила прервать этот поток благодарностей. – Кстати, заодно хотела тебе одну вещь показать... – Она достала из коробочки свою находку и выложила перед Ильей: – Вот, разбирала дома антресоли и нашла там... кажется, это сережка...

Ей не хотелось рассказывать настоящую историю серьги – больно уж неправдоподобно эта история звучала, да и вообще Надежда в жизни следовала полезному правилу: поменьше болтать – побольше слушать.

Илья бережно взял сережку, вставил в глаз лупу и надолго замолчал. Потом поднял глаза на Надежду и с уважением проговорил:

– Хорошие у вас антресоли! Вы там как следует поищите – может, найдете пропавшие царские изумруды или знаменитую Пелегрину, черную жемчужину князей Юсуповых...

– Что ты хочешь сказать? Что украшение чего-то стоит?

– Конечно, стоит, и немало. Это алмаз, причем довольно крупный.

– Бриллиант? – уточнила Надежда.

– Строго говоря, бриллиантами называют только алмазы определенной огранки. Но в принципе, да. Это бриллиантовая сережка... вторую, кстати, вы не нашли?

– Нет, не нашла. Значит, она и правда дорогая?

– Конечно. Но чтобы сказать точнее, мне нужно ее внимательно изучить. Кажется, там внутри есть дефект, какое-то темное пятно. Это может заметно понизить стоимость камня. Сейчас я попробую посмотреть...

Илья достал из стола какой-то прибор вроде микроскопа, вставил в него камень, какое-то время разглядывал, поворачивая колесико, и наконец удивленно протянул:

– Странно... не может быть...

– Что там такое? – Надежда, изнывая от любопытства, просунула голову в окошко.

– Вот, смотрите!

Илья повернул прибор и щелкнул кнопкой в его основании. Внутри вспыхнул свет, и на листе белой бумаги появилось увеличенное изображение серьги. Внутри камня действительно виднелось какое-то расплывчатое пятно. Илья покрутил колесико, видимо наводя прибор на резкость, и пятно стало менять форму, внезапно превратившись в отчетливый узор.

Точнее, не узор, а надпись на незнакомом языке. Буквы были какие-то непривычные. Не кириллица и не латынь, и даже не греческий.

– Не представляю, как это сделано, – тихо и взволнованно проговорил Илья. – Никогда такого не видел! Как можно сделать надпись внутри алмаза?

– Точно, надпись. Только никак не могу понять, на каком языке.

– Я тоже не знаю. Вообще, если вы мне доверяете, я мог бы оставить эту сережку и более тщательно ее обследовать.

– Конечно, я тебе доверяю! Только разреши, я пересниму эту надпись...

Надежда достала телефон и сфотографировала загадочную надпись на камеру.

После этого отдала Илье ключи и отправилась домой. Встречать мужа из командировки.

Выйдя из торгового центра, она подошла к переходу, дождалась зеленого сигнала, и только было шагнула на тротуар, как к ней, хромая на обе ноги и яростно стуча палкой, подкатилась худая приземистая особа в круглых черных очках.

– Женщина! – прокаркала эта особа хриплым, простуженным голосом. – Проявите милосердие! Пожалуйста, переведите меня на другую сторону! Мне непременно нужно в ту аптеку! – и тут же, не дожидаясь ответа, уцепилась за локоть Надежды крючковатыми пальцами, похожими на птичью лапу.

– Да, конечно... – пролепетала Надежда, смущенная напором и решительностью незнакомки.

Она пошла по «зебре», старательно замедляя шаг, чтобы слепой было удобнее. Та, впрочем, шла довольно уверенно, хотя все время испуганно вскрикивала и ахала:

– Осторожно! Осторожно! Куда вы так спешите! Вы же ведете незрячего человека!

На половине дороги рядом с ними резко затормозила какая-то машина. Слепая попятилась, больно ущипнула Надежду за руку и раздраженно прошипела:

– Разуй глаза! Из-за тебя чуть под машину не попали!

Надежда возмущенно взглянула на спутницу и хотела ей достойно ответить, но сдержалась. Сказалось природное воспитание. Да и вообще – что возьмешь с инвалида! Нужно быть добрее к людям, обиженным судьбой...

Наконец они перешли улицу.

Слепая отпустила руку Надежды и, не поблагодарив и вообще ничего не сказав, исчезла в толпе. Причем шла удивительно быстро и уверенно для незрячей.

Надежда проводила ее взглядом и пожала плечами, как вдруг ее окликнула проходящая мимо старуха:

– Женщина, у вас сумка открыта!

Надежда скосила глаза на сумку и убедилась, что та действительно распахнута, как беззубый старческий рот. А ведь она отлично помнила, что, убрав в сумку коробочку от сережки, застегнула сумку на молнию, а потом еще и на кнопку.

Выходит, та слепая – никакая не слепая, а самая обыкновенная воровка? Попросила ее перевести через дорогу, чтобы обокрасть? Бывают такие умельцы...

Надежда расстроилась – не столько из-за самого факта кражи, сколько от очередного разочарования в людях. Впрочем, ей тоже наука – впредь не быть такой доверчивой.

Она зашла в маленькую кофейню, чтобы проверить, что пропало из сумки, однако, проинспектировав содержимое, с удивлением убедилась, что даже кошелек был на месте.

Впрочем, кое-что действительно пропало – коробочка из-под сережки.

Но это вообще странно – кому понадобилась пустая коробочка?

Впрочем, тут же поправила себя Надежда, на ней ведь не написано, что она пустая.

У нее мелькнула мысль, что все это никак нельзя считать простым совпадением, что с некоторых пор с ней, Надеждой, происходят странные события, и связаны они с этой самой сломанной серьгой, и что надо бы Илью предупредить, чтобы был осторожнее... хотя что она может ему сказать? Пока что у нее были сплошные догадки и сомнения.

Надежда взглянула на часы и отбросила все посторонние мысли. Поезд уже прибыл, а значит, муж вот-вот будет дома.

Открыв дверь, Надежда поняла, что опоздала, – Сан Саныч был уже дома. Обычно она старалась вернуться раньше мужа, чтобы встречать его на пороге с радостью во взоре. Женатый мужчина хочет, чтобы его ждали из командировки, с радостью обнимали при встрече и говорили, что ужасно соскучились. Все так и было, Надежда ничуть не кривила душой. А тут получилось, что муж вернулся в пустую квартиру.

Хотя, строго говоря, квартира была не пустой, и мужа всегда кто-то встречал – а именно кот Бейсик. В Бейсике Сан Саныч души не чаял, и в глубине души Надежда подозревала, что и на ней он женился в основном из-за кота.

Короче, когда Надежда вернулась домой, муж уже сидел на кухне с котом на коленях. Обычно в такой ситуации лицо его было довольным и умиротворенным, но сейчас на нем читалась тревога.

– А я по магазинам прошлась... – проговорила Надежда фальшиво-жизнерадостным тоном.

Это была явная ложь, потому что никаких пакетов в руках у нее не было, но муж не обратил на нестыковку внимания. Мрачным, трагическим голосом он произнес:

– Надя, мы ведем себя легкомысленно. Даже не просто легкомысленно, а преступно...

– Что такое? – испуганно переспросила Надежда. – Что случилось? Ты здоров? В Москве простудился? Документы пропали, паспорт в поезде потерял?

– Да ничего такого, я здоров, но вот он, Бейсик...

Опять! Надежда отвернулась, чтобы муж не увидел ее лица. Просто даже удивительно, что такой умный, сдержанный и здравомыслящий человек, как Сан Саныч, в том, что касалось кота, совершенно терял голову и едва ли не впадал в истерику.

Примерно раз в два месяца ему казалось, что ненаглядное пушистое существо, которое басисто мурлычет у него на коленях, вдруг начинает терять шерсть и аппетит, худеет и становится малоподвижным. И хозяин закармливал его витаминами, покупал дорогущий специальный корм и требовал полного обследования в клинике. Этот кошмар Надежда всегда вспоминала с дрожью и зубовным скрежетом.

Сейчас Бейсик выглядел вполне здоровым и довольным жизнью, поэтому Надежда вздохнула и осведомилась:

– А что с ним не так?

– И ты еще спрашиваешь!

– Да в чем дело-то?

– А ты помнишь, сколько ему лет?

– Ну да, конечно... – Надежда начала мысленно загибать пальцы и наконец неуверенно проговорила: – Десять...

– Ошибаешься! – возразил муж полным трагизма голосом. – Ему уже одиннадцать с половиной!

- Ну и что?

- А то, что я прочитал - год кошачьей жизни соответствует примерно семи человеческим годам.

- Ну и что? - упрямо повторила Надежда.

- А ты умножь! - выдохнул Сан Саныч.

Надежда гордилась тем, что хорошо считает в уме, и тут же перемножила цифры:

- Восемьдесят с половиной.

- Вот видишь!

- Да ничего я не вижу! Я вижу, что кот в прекрасной форме... немного, правда, перекормлен, но это уж не моя вина... Это ты вечно даешь ему вкусненькое, когда доктор строго сказал, что коту нужна диета!

- При чем тут диета! - отмахнулся муж. - Восемьдесят лет - это по-любому преклонный возраст! Тем более восемьдесят с половиной! А в преклонном возрасте нельзя шутить со здоровьем! Люди в преклонном возрасте непременно обращаются к врачу-геронтологу...

- Так то люди! Ведь нет же ветеринарных геронтологов, - фыркнула Надежда, решив, что гроза миновала. - Давай лучше обедать, ты с дороги...

- Как это - нет? Я навел справки и выяснил, что у нас в городе есть один ветеринар, который специализируется именно на котях преклонного возраста.

- И что?

- А то, что я с ним связался. И завтра он к нам придет. Ты ведь всегда дома - так что прими его и проследи, чтобы он внимательно, повторяю, внимательно осмотрел Бейсика!

Бейсик взглянул на хозяина удивленно и неодобрительно и спрыгнул на пол. Он не одобрял всякие медицинские процедуры.

Надежда же только плечами пожала и согласилась на ветеринара-геронтолога. А что ей еще оставалось?

Незадолго до окончания рабочего дня Илья Мурашов позвонил своему учителю по ювелирному делу и после обычных вежливых расспросов сказал:

– Герман Карлович, я хотел бы показать вам одну интересную вещицу. Может быть, вы сможете мне что-нибудь о ней рассказать.

– Заходи, Илюша, – ответил старик, – ты знаешь, я тебе всегда рад. Да и взглянуть на интересную вещицу никогда не откажусь.

Илья запер в сейф все ценное, включил сигнализацию и вышел из торгового центра.

Герман Карлович жил на Среднем проспекте, в старом доме неподалеку от лютеранской кирхи, точнее, от собора святого Архангела Михаила.

До революции большая часть многочисленной петербургской немецкой общины обитала на Васильевском острове. Немецкий язык звучал на «выцветших линиях» не реже русского. Здесь было много немецких булочных, пивных, ресторанов и, разумеется, лютеранский приход со своим собором. После двух войн от немецкой общины осталась ничтожная часть. Кто был арестован, кто сослан в Сибирь или в Среднюю Азию, кто уехал по своей воле.

Герман Карлович родился в Казахстане, но в зрелом возрасте вернулся в город, где когда-то жили его деды и прадеды, и занялся традиционным для своей семьи ювелирным делом.

Илья позвонил в домофон, поднялся на четвертый этаж и вошел в квартиру.

Герман Карлович встретил его на пороге, опираясь на свою знаменитую трость черного дерева с серебряным набалдашником в виде собачьей головы.

Проводив гостя в кабинет, он принес две чашки крепкого кофе и только после того, как напиток был выпит, спросил:

- Ну, так что же ты хотел мне показать?

Илья достал из кармана замшевый мешочек и вытряхнул на стол серьгу со сломанной дужкой.

- Вот эта вещь. Мне кажется, это Германия, восемнадцатый век? Или я ошибаюсь?

Прежде чем ответить, Герман Карлович вставил в глаз лупу и внимательно оглядел серьгу со всех сторон, после чего торжественным тоном произнес:

- Ты не ошибаешься, Илюша. Несомненно, это работа середины восемнадцатого века, нюрнбергская ювелирная школа. А вот какой мастер - сразу сказать не могу...

- Я пытался найти что-нибудь в Интернете, но безуспешно...

- Само собой! Там ничего и не может быть. Настоящие, серьезные мастера пользуются не Интернетом, а классическими справочниками и каталогами.

- А какой справочник вы мне посоветуете?

- Здесь нужен так называемый «черный кварто», его еще называют каталогом Штакельбергера.

- Но этот каталог - легенда, миф... Общеизвестно, что его не существует.

- Не всегда нужно верить общеизвестному! Каталог Штакельбергера существует, до наших дней сохранились четыре экземпляра, и, к счастью, один из них находится в нашем городе.

- И где же? В Публичной библиотеке?

– Нет. Он хранится в одной очень необычной библиотеке, куда не так-то просто попасть.

– И что же мне делать?

– Тебе – ничего. В ту библиотеку тебя не пустят. Это, так сказать, закрытый клуб. Кроме того, ты не читаешь по-немецки.

– И как же быть? – Уныния в голосе Ильи прибавилось.

– Знаешь что, Илюша... твоя вещица меня очень заинтересовала. Так что я, пожалуй, наведаюсь в ту библиотеку.

– Но я не могу отдать вам эту серьгу. Она не моя, и я отвечаю за нее перед владельцем.

– А мне и не надо. Я хорошо ее запомнил.

Утром, едва Сан Саныч ушел на работу, Надежда решила убраться в квартире. Как известно, присутствие мужа во время уборки крайне нежелательно – он вечно путается под ногами и все время оказывается в самом неподходящем месте.

Надежда вытащила из кладовки пылесос, и кот Бейсик тут же куда-то спрятался, поскольку с пылесосом у него были сложные отношения. Не то чтобы кот его боялся, он просто не терпел шума. Опять-таки хозяйка во время уборки становилась просто невозможной – ужасалась количеству шерсти, с завидным постоянством засасывала в трубу игрушечную мышь и грозилась пропылесосить самого Бейсика, если он не прекратит нарочно линять. Игрушечная мышь была коту совершенно неинтересна – он же не двухмесячный котенок, в самом деле, но, как говорится в одном старом анекдоте, в армии должна быть дисциплина. Поэтому кот долго делал вид, что ужасно расстроен, поскольку мышь, побывавшую в мешке пылесоса, приходилось выбрасывать. Так что кот пылесос не любил и сбежал на кухню.

Внезапно в дверь позвонили.

- Кто это может быть... - недовольно проворчала Надежда.

Неужели муж что-то забыл и вернулся? Но он бы сначала позвонил...

Подойдя к двери, она на всякий случай спросила:

- Кто там?

За дверью раздался мягкий, вкрадчивый, словно мурлыкающий голос:

- Это Левон Тигранович.

- Какой еще Левон... - удивилась Надежда, но тут же вспомнила, что сегодня должен прийти ветеринар, чтобы осмотреть Бейсика.

Она щелкнула замком и открыла дверь.

На пороге стоял весьма пожилой, представительный мужчина с густыми темными бровями и взъерошенными кошачьими усами, в старомодном драповом пальто и шапке-пирожке. Такие шапки любили носить мелкие начальники и чиновники средней руки в советские времена. Надежда не видела таких «пирожков», должно быть, лет двадцать, если не больше.

- Заходите... - протянула Надежда и подала ветеринару гостевые тапочки.

- Ну и где у нас, так сказать, главный член семьи? - промурлыкал ветеринар, потирая мягкие руки.

- Бейсик! - крикнула Надежда Николаевна в глубину квартиры. - К тебе пришли!

Бейсик тут же появился в коридоре.

Конечно, его немного беспокоил пылесос, но любопытство оказалось сильнее, и он вышел, чтобы познакомиться с гостем.

– Какие мы красивые! – проговорил ветеринар, наклонившись, чтобы лучше разглядеть кота. – Какие мы пушистые!

Обычно Бейсик настороженно относился к новым людям, но этот гость, должно быть, умел вызывать к себе доверие. Кот подошел к ветеринару и потерся об его ноги.

– Приятно познакомиться! – произнес Левон Тигранович и добавил что-то на незнакомом языке.

Надежда подумала, что на кошачьем. Во всяком случае, Бейсик явно его понял, мурлыкнул в ответ и вспрыгнул на руки ветеринару.

– Он тяжелый, – запоздало предупредила Надежда.

Ее невольно кольнула ревность – к ней на руки кот шел очень редко, только под настроение, или если хотел выклянчить что-нибудь вкусненькое. А тут – первый раз видит этого человека, и сразу такое доверие...

Нет, все-таки кошки – создания неблагодарные.

– Ну, не такие уж мы и тяжелые... – промурлыкал ветеринар, почесывая кота за ухом.

Бейсик сладостно зажмурился.

– И вы с ним поосторожнее... он очень не любит, когда его трогают посторонние.

– Но мы же не посторонние! Мы с ним уже познакомились! И вообще, это все-таки кот, а не ирландский волкодав! – и ветеринар с котом на руках проследовал в гостиную.

– Вы его еще не знаете... – пробормотала Надежда и вспомнила, как года два назад ходила с Бейсиком в ветеринарную клинику.

Сан Саныч настоял на этом визите, а сам в последний момент устранился – у него неожиданно возникло какое-то важное совещание. В результате кот

устроил в клинике такое, что Надежда до сих пор вздрагивала при этом воспоминании. Ветеринар с Надеждой и двумя помощниками еле сумел с ним справиться и велел следующий раз приходить вместе с мужем, соседом-молотобойцем или спортсменом-тяжеловесом. А лучше совсем не приходить.

Тем временем Левон Тигранович начал осмотр.

– А теперь посмотрим животик, – приговаривал он мурлыкающим голосом, – дай мне лапку... не эту, левую... теперь другую... а теперь откроем ротик... посмотрим зубки...

Время от времени он переходил на другой язык, но кот его, по-видимому, прекрасно понимал.

Надежда с изумлением наблюдала за происходящим. Кот послушно протягивал лапы, послушно открывал пасть, позволял ветеринару заглядывать в самые интимные места. Иногда он только тихонько мяукал, если ему что-то не нравилось, но нисколько не сопротивлялся.

Наконец ветеринар закончил обследование, что-то ласково сказал коту и повернулся к Надежде:

– Ну что ж, сколько, вы говорите, ему лет?

– Одиннадцать...

– Для своего возраста он находится в очень хорошей форме. Может быть, немного полноват, так что я слегка урезал бы его рацион или увеличил физическую активность...

– Скажите это моему мужу! – вздохнула Надежда. – К вам он, может быть, прислушается.

Коту, должно быть, тоже не понравилась последняя рекомендация, во всяком случае, он возмущенно фыркнул.

– Но все же, чтобы быть полностью уверенным, – продолжил ветеринар, – я советую сделать кое-какие анализы. Все же возраст солидный... у многих котов в этом возрасте начинаются проблемы с почками...

– Анализы? – испуганно переспросила Надежда, снова вспомнив злополучное посещение ветеринарной клиники. – Но он ни за что не дастся! Он там такое устроит... прошлый раз, когда мы ходили в ветеринарную клинику... это был кошмар!

– Не беспокойтесь, я вас направлю к очень опытному человеку, который все сделает в лучшем виде. Котик ничего не почувствует!

– Котик-то, может, и не почувствует, а вот вашего знакомого жалко. Он его раздерет! Во время нашего последнего посещения клиники он там всех перецарапал.

– Уверяю вас, он справится. И не с такими имел дело! Я только покажу вам, как найти его кабинет. Это непросто...

Левон Тигранович протянул Надежде небольшую листовку с координатами ветеринарного кабинета, на которой была нарисована схема проезда.

– Вот здесь вам нужно будет обойти торговый центр, пройти мимо салона красоты и подняться на второй этаж. Кстати, вы сказали, что не так давно были с котиком в клинике и делали анализы. У вас случайно не сохранились те результаты? Я хотел бы их посмотреть, чтобы проследить динамику.

– Мне их тогда выслали по электронной почте. Сейчас я посмотрю...

Надежда нашла в телефоне нужный файл и протянула ветеринару. Тот склонился над дисплеем и вдруг смущенно проговорил:

– Извините, я что-то не то нажал, и файл исчез... А это у вас откуда?

– О чем вы?

Надежда взглянула на экран и увидела странный узор. Точнее, не узор, а скорее надпись, представляющую собой ровную вязь букв незнакомого алфавита. Ах да, это та загадочная надпись, которую Илья нашел внутри алмазной сережки!

– Так откуда это у вас? – повторил ветеринар, и в его голосе звучал неподдельный интерес.

– Да так, случайно нашла... – уклончиво ответила Надежда. Ей совсем не хотелось пересказывать малознакомому человеку странную историю с серьгой. Тем более что она и сама ничего не понимала. Кстати, нужно Илье позвонить, возможно, он что-то уже выяснил...

– Случайно нашла, – повторила она. – Не знаю даже, какой это язык. Не латынь, не греческий...

– Как раз это я вам могу сказать. Буквы определенно армянские, причем написание не современное, а очень древнее. Такой алфавит называется «еркатагир», в переводе с армянского значит «железное письмо».

– Почему железное?

– Потому что в древности писали на каменной плите железным резцом. Армянский алфавит изобрел в начале пятого века великий армянский ученый и просветитель Месроп Маштоц. Так вот он использовал именно этот вариант алфавита – округлый еркатагир, который иначе называют месроповским алфавитом.

– Как много вы об этом знаете!

– Я армянин, и меня очень интересует история и культура моего древнего народа.

– А что здесь написано?

– Вот странно... я не могу это прочитать.

– Что, язык настолько старый?

– Да нет, не в этом дело. Такое впечатление, что здесь пропущена значительная часть букв, так что удастся разобрать только некоторые слова. Вот, например, это слово означает, скорее всего, «свет». А вот это – «царский». И то я не вполне уверен.

Бейсик громко мяукнул. Видимо, ему не понравилось, что люди разговаривают не о нем, а о чем-то постороннем.

Левон Тигранович извинился на кошачьем языке и откланялся, присовокупив, что они еще увидятся, как только станут известны результаты анализов.

– Ни за что с тобой туда не пойду! – сказала Надежда коту. – Саша все это затеял, вот пускай он с тобой и возится!

Смуглый темноволосый человек в пыльном дорожном плаще, с черной повязкой на левом глазу, опираясь на суковатый посох, подошел к окованным медью воротам, постучал в них бронзовым дверным молотком, а когда из-за ворот откликнулись, проговорил нараспев:

– Во имя Отца и Сына, пустите одинокого паломника! Позвольте мне отдохнуть в вашем доме!

– Паломник паломнику рознь, – донеслось из-за ворот. – Кто ты, странник? Из каких земель будешь? Куда направляешься?

– Иду я из далекой благословенной земли Наири, направляюсь в священный Хайас.

– Входи, брат!

Рядом с воротами открылась небольшая калитка. Паломник вошел в нее и увидел крепкого, широкоплечего старика в богатом, расшитом серебром камзоле.

– Здравствуй, брат! – и хозяин обнял странника. – Наш дом всегда открыт для гостей с древней родины! Какие вести ты нам принес? Впрочем, прости, я веду себя как последний дикарь. Путника следует сначала накормить и напоить, дать ему отдых и только после этого задавать вопросы.

Он проводил гостя в дом.

Здесь немногословные слуги принесли ему воды умыться, усадили за стол, подали простую трапезу – хлеб, сыр, фрукты и терпкое вино. Гость утолил голод и жажду, и только тогда хозяин снова приступил к нему с расспросами.

– Прости, брат, мое нетерпение. Какие новости ты принес из древней земли Наири? Что творится в Армении?

Гость отставил бокал с недопитым вином, опустил голову.

– Армении больше нет... – В голосе его прозвучала скорбь. – Остатки нашей древней страны разрывают между собой персы и турки... в опустошенных городах и селениях ищут поживы волки и шакалы, на развалинах храмов пируют коршуны и стервятники. Потомки великих царей прислуживают диким кочевникам. Принцесс из древнего рода Багратиони продают на невольничьих рынках Багдада и Смирны.

– Горько слышать твои слова! Но чем я могу помочь тебе? Точнее, чем могу помочь несчастной родине?

– Сегодня наше дело безнадежно. Но Армения бессмертна! Когда придет время, она восстанет из пепла, как птица феникс. Однако, чтобы это случилось, мы должны сберечь древние святыни Наири. Святыни, которые тысячи лет берегли в храмовых подземельях.

– О чем ты говоришь, брат?

– Я говорю о древних свитках, где запечатлены мудрые мысли наших предков. Я говорю о реликвиях, сохраненных с тех давних времен, когда армяне поклонялись отцу всех отцов Арамазде и матери всех матерей, великой Анаит. Я говорю об очах Анаит...

– Очи Анаит? Я не ослышался? – переспросил хозяин, в голосе которого прозвучал трепет.

– Да, брат. Ты знаешь, что задолго до того, как апостол Андрей принес в Армению учение Христа, наши предки поклонялись Анаит и Арамазде. После наши предки одними из первых приняли христианство, но древняя вера теплилась в наших сердцах, ее реликвии бережно хранились в тайных святилищах – тачарах и мехьянах. Теперь, когда враги раздирают нашу древнюю землю, нашу несчастную Наири, только вера предков может вернуть нам надежду. Но для этого мы должны сберечь святыни, ибо в них бьется сердце нашей родины. Армения захвачена врагами, но множество армян рассеяно по всем странам мира. Торговцы и врачи, ремесленники и финансисты, они живут во Флоренции и Генуе, в Саксонии и Баварии, в Моравии и Провансе. И там, где есть хоть несколько наших соотечественников, есть и частица Армении. Древние святилища оказались в руках врагов, но реликвии наших предков, реликвии Анаит и Арамазды спасены. В последний момент хранители святынь вынесли их из тайников, и десятки надежных служителей отправились в дальние края, чтобы передать реликвии верным братьям – таким, как ты.

– Как я? – взволнованно переспросил хозяин. – Значит, и мне уготована роль в этом плане?

– Да, и тебе! И тебе уготована очень важная роль. С огромным трудом, с огромным риском я пронес через земли, охваченные грабежами и войнами, великую святыню – очи матери матерей Анаит...

– Очи матери всех матерей, очи Анаит? Я слышал о них от своего деда, а он – от своего... я только слышал о них... неужели мне суждено их узреть?

– Не только узреть – тебе суждено стать их хранителем. отошли своих слуг...

Хозяин одним властным движением руки отослал из комнаты безмолвных слуг, оставшись наедине с паломником. Убедившись, что в помещении не осталось никого, кроме них двоих, пилигрим снял с левого глаза черную повязку и вынул из пустой глазницы маленький сверток из черного шелка. Положил его на стол, развернул – и по полутемной комнате рассыпались голубоватые и зеленоватые искры.

На столе лежали два круглых прозрачных камня, два сгустка холодного искрящегося света.

- Вот они – очи матери матерей, владычицы древних богов, великой Анаит!

- Ты хочешь сказать, брат, что доверишь мне эти священные реликвии нашего народа?

- Да, для того я и пришел к тебе. И это не все. Я принес еще одну святыню...

С этими словами паломник взял свой посох, повернул набалдашник, и внутри посоха обнаружилась пустота, словно в пастушеской свирели. Только внутри посоха была заключена не музыка...

Паломник наклонил посох и вытряхнул из него свернутый в трубку кусок пергамента, бережно расправил – и хозяин дома увидел покрывающие его аккуратные буквы древнего армянского алфавита.

- Железное письмо! – проговорил он с благоговением.

- Ты прав, брат. Это древнее священное письмо, дарованное нам нашими великими предками. На этом пергаменте записано древнее заклинание, которое, когда придет время, вернет нашей стране былое могущество.

Паломник на какое-то время замолчал, опустив плечи, словно на него давил тяжелый груз. Видно было, что следующие слова даются ему с большим трудом.

- Я должен был передать тебе только очи Анаит. Пергамент с заклинанием предназначался другому человеку, в другом городе. Но в последние дни я замечаю, что за мной следят. Чудом мне удалось сбить преследователей со следа, чтобы дойти до твоего дома. Но вряд ли мне будет долго улыбаться удача. Вряд ли я смогу дойти до следующего соотечественника. Поэтому я прошу, чтобы ты оставил этот пергамент у себя.

- Это великая честь для меня, брат!

- Это не только честь, но и опасность.

– Я ничего не побоюсь, брат, чтобы сберечь эти святыни. Я не пожалею ради них собственной жизни.

– Я знаю, что ты предан вере предков. Но прошу тебя – будь осторожен, ибо от этого зависит слишком многое.

– Можешь не сомневаться во мне, брат.

На какое-то время в комнате наступила тишина, затем хозяин проговорил:

– Ты устал с дороги, брат. Мои слуги приготовили для тебя комнату, где есть мягкая постель. Они проводят тебя туда, и ты сможешь отдохнуть. Мой дом к твоим услугам, можешь жить здесь, сколько пожелаешь...

– Благодарю тебя за гостеприимство, брат, но не могу принять его. Я должен идти дальше, сегодня же, прямо сейчас.

– Как же так? Ты устал... ты должен отдохнуть!

– Увы, уже сегодня я должен покинуть ваш город.

– Но ведь ты уже исполнил свой долг! Передал мне священные реликвии! Ты заслужил отдых...

– Увы, у меня есть еще одно дело, очень важное дело, о котором я никому не могу сказать – даже тебе, брат.

– Но день уже клонится к вечеру! Ночь застанет тебя в пути! Тебе нужен ночлег, а в моем доме спокойно и безопасно...

– Я благодарен тебе, но долг превыше всего. Я должен идти дальше. Не удерживай меня, брат, – от этого зависит слишком многое.

– Что ж, хоть я и не понимаю такой спешки, но не смею перечить тебе. Возьми хотя бы немного еды в дорогу, слуги сложат ее для тебя в котомку.

– Спасибо, брат! И да хранят тебя древние боги!

Паломник обнял гостеприимного хозяина, взял котомку с едой и вышел из дома через заднюю дверь.

Герман Карлович вышел из метро, прошел по Невскому, пересек Екатерининский сквер и подошел к импозантному зданию театра. Но направился не к центральному входу, а к неприметной двери с правой стороны.

Стоящий за дверью пожилой господин в униформе капельдинера строго взглянул на Германа Карловича и произнес хорошо поставленным голосом бывшего актера:

– Куда вы, сударь? Это служебный вход! Сюда можно только сотрудникам театра!

– *Vita brevis, ars longa!* – проговорил в ответ Герман Карлович, в конце фразы стукнув об пол своей тростью.

– Жизнь коротка, искусство вечно, – перевел его слова с латыни капельдинер. – Что ж, пароль вы знаете. Можете проходить! – и он открыл перед посетителем неприметную дверь с табличкой: «Служебный гардероб».

За ней и правда обнаружилось небольшое помещение гардероба, разгороженное пополам деревянным барьером. По другую сторону барьера висели десятка два пальто и плащей разного цвета, а на стуле дремала дородная женщина пенсионного возраста в вязаной кофте и белых митенках. При появлении Германа Карловича она открыла один глаз и строго осведомилась:

– К кому?

– К Марине Леонидовне.

– Пожалуйста, проходите! – гардеробщица открыла второй глаз, поднялась со стула и откинула часть барьера, открыв проход на свою территорию.

Герман Карлович шагнул вперед, а гардеробщица, сдвинув часть висящей у нее за спиной одежды, указала ему на небольшую темную дверь, ведущую в длинный полутемный коридор.

Миновав этот коридор, Герман Карлович оказался перед следующей дверью, резного темного дерева, за которой находилось просторное помещение с высоким сводчатым потолком. Все стены были заняты книжными шкафами и стеллажами, в трех метрах от пола проходила ажурная деревянная галерея, дающая доступ к верхним полкам. В центре тоже стояли книжные шкафы, между которыми расположились несколько письменных столов красного дерева. На каждом столе имелась лампа с зеленым абажуром. Еще один стол находился слева от входа, и за ним сидела миниатюрная особа неопределенного возраста с завитыми светло-пепельными волосами.

Герман Карлович подошел ближе и увидел, что дама очень стара – ее лицо покрывала сеть мелких морщинок и россыпь пигментных пятен. Впрочем, он был так давно с ней знаком, что не обращал внимания на такие мелочи.

– Гермоша, дорогой, как долго тебя не было! – воскликнула библиотекарь и тут же прихлопнула рот сухонькой ладошкой, похожей на птичью лапку, – должно быть, вспомнила, что в библиотеке полагается соблюдать тишину.

– Здравствуй, Мариночка! – вполголоса ответил Герман Карлович. – А ты все хорошеешь!

– Противный! – рассмеялась дама. – Разве можно шутить над такими вещами?

– Я не шучу!

– Да ладно тебе. Говори лучше, зачем пришел?

– Мне нужно «черное кварто».

– Каталог Штакельбергера? – уточнила Марина Леонидовна, мгновенно посерьезнев.

– Ну да. Только не говори, что он на руках. Я все равно ни за что не поверю.

– Не скажу. Ты прекрасно знаешь, что такие книги мы не выдаем на руки. Никому. Даже тебе.

– Знаю. И не прошу. Мне бы только посмотреть...

– Посмотреть можно. Но ты знаешь наши правила – ничего не выносить и ничего не фотографировать. Так что, будь добр, сдай мне телефон. Получишь при выходе.

Герман Карлович отдал Марине Леонидовне свой мобильник, который она тут же убрала в правый ящик своего стола. Затем поднялась и, чуть заметно прихрамывая, направилась в дальний угол зала, катя перед собой небольшую тележку.

Через несколько минут библиотекарь вернулась. В тележке лежал массивный старинный том в красивом кожаном переплете с золотым тиснением.

– Вот тебе твой каталог!

Герман Карлович взял книгу под мышку и, опираясь на трость, направился к одному из столов. Теперь книжные шкафы закрывали от него стол библиотекаря.

Включив лампу, он приступил к чтению и уже через несколько минут нашел страницу, на которой была гравюра с изящными бриллиантовыми серьгами.

– Они! – уверенно проговорил Герман Карлович.

Как многие одинокие люди, он завел привычку разговаривать сам с собой. Правда, очень тихо.

Действительно, серьги на гравюре были удивительно похожи на находку Ильи.

Из статьи под гравюрой Герман Карлович узнал, что эти серьги изготовил нюрнбергский мастер Конрад Зауэр по заказу богатого армянского купца Николы Карояна (они входили в приданое его дочери, которая выходила замуж за лесопромышленника Фердинанда Визенштейна), и уже хотел перелистнуть

страницу, как вдруг замер, прислушиваясь. Ему показалось, что с той стороны, где находился стол библиотекаря, доносится какой-то шум. Однако все было тихо.

Герман Карлович перелистнул страницу – и тут чуткими пальцами ювелира почувствовал, что она чуть толще, чем все остальные. Он рассмотрел страницу на свет, идущий от лампы, потом осторожно помял ее пальцами и окончательно убедился, что две страницы книги аккуратно склеены.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что его никто не видит, Герман Карлович достал из-под лацкана пиджака бритвенное лезвие и осторожно, стараясь не повредить бумагу, разделил склеенные страницы.

Между ними оказался небольшой лист тонкой папиросной бумаги, густо исписанный мелким аккуратным почерком.

Ювелир прочел записку и, высоко подняв брови, едва слышно проговорил:

– Интересно! Очень интересно!

Воровато оглядевшись, он отвинтил серебряный набалдашник трости, спрятал найденный в книге листок и, привинтив набалдашник на место, направился к выходу.

Однако, приблизившись к столу библиотекаря, он вдруг увидел, что за столом вместо Марины Леонидовны сидит совсем другая женщина. У нее было какое-то лисье лицо с острым, любопытным носом и узкими, неприязненно поджатыми губами.

– А где Марина Леонидовна? – удивленно осведомился ювелир.

– А ее вызвали! – поспешно ответила женщина. – Вызвали ее по телефону, неожиданно. Она, значит, ушла, а меня попросила вместо нее подежурить.

«Странно! – подумал Герман Карлович. – Марина прежде никогда не покидала свой пост. А эта... откуда она взялась? Сколько хожу в библиотеку – ни разу ее не видел. Не могла Марина доверить ей библиотеку. Разве что... Уж не случилось

ли чего плохого у нее? Мы ведь немолодые уже...»

Внезапно у него резко кольнуло сердце, как будто иголку вогнали. Герман Карлович пошатнулся, но не желая показывать слабость перед этой незнакомкой, которая была ему неприятна, оперся на трость, молча передал фолиант и попросил вернуть телефон.

- Телефон? - переспросила женщина с явным неудовольствием. - Какой телефон?

- Ну я же отдал Марине Леонидовне свой телефон! Здесь же такие правила! Вы разве не знаете?

- Ах, телефон! Конечно! - Женщина расплылась в неприятной фальшивой улыбке и выдвинула левый ящик стола.

Герман Карлович хотел сказать, что телефон лежит в другом ящике, но женщина уже протягивала ему аппарат. «Видимо, ошибся», - подумал он, убрал телефон в карман и направился к выходу.

Выйдя из театра, Герман Карлович снова пошел в сторону сквера, косясь на бронзовый памятник Екатерине Великой. Дородную императрицу окружали ее приближенные - в пышных камзолах и платьях с кринолинами, в напудренных париках. Екатерина возвышалась над ними, с легким высокомерием глядя на проспект, на проносящиеся по нему машины и вечно торопящихся куда-то прохожих. По Невскому не гуляют, по нему бегают...

Пройдя через сквер, ювелир шагнул на мостовую, но сделать второй шаг не успел.

Из-за поворота на огромной скорости вылетела черная машина с затененными стеклами. Герман Карлович метнулся назад, на тротуар, но машина задела его бампером, резко вильнула и исчезла за углом так же неожиданно, как и появилась.

Несчастный старик лежал на асфальте, раскинув руки и ноги, безжизненный и неподвижный, как сломанный манекен. В двух шагах от него валялась черная трость с серебряным набалдашником.

Вокруг пострадавшего, ахая и ужасаясь, столпились прохожие. Кто-то звонил в полицию, кто-то вызывал «скорую».

Вдруг из толпы зевак вылетела женщина средних лет с лисьей мордочкой и узкими губами.

– Я врач! – выпалила она, оглядев толпу. – Отойдите подальше, ему нужен воздух!

Зеваки послушно отступили. Женщина опустилась на колени перед неподвижным телом, проверила пульс, прижалась щекой к груди старика, потом принялась его ощупывать. При этом она определенно больше интересовалась содержимым его карманов, чем состоянием жизненно важных органов.

– Эй, а что это ты по карманам шаришь? – подозрительным голосом осведомилась какая-то старуха.

– Документы ищу, – отозвалась особа, назвавшаяся врачом. – Может, у него есть какие-то сопутствующие заболевания, так про них непременно нужно знать.

– Она же врач, – рассудительно проговорил толстый мужчина с круглой блестящей лысиной. – Она знает, что делать. А вы, если не понимаете, так хотя бы не мешайте! Есть же такие люди – помочь не могут, но до всего есть дело!

Под осуждающими взглядами зевак старуха отступила.

В эту минуту раздался звук подъехавшего автомобиля, и рядом с местом происшествия появилась машина «скорой помощи». Два человека в медицинской униформе пробрались сквозь толпу.

– Что случилось?

– Да вот, старого человека машина сбила и уехала... скрылась с места происшествия! А человек без сознания. Да вы женщину спросите, она же врач! – обстоятельно объяснил лысый прохожий.

– Какую женщину?

Действительно, около тела никого не было. Лысый недоуменно пожал плечами и отступил. Толпа зевак быстро поредела, сообразив, что сейчас приедет полиция, начнет искать свидетелей, а потом затаскает по допросам.

Медики осмотрели пострадавшего, убедились, что он жив, положили на носилки и увезли в больницу. Полиция подъехала позже, когда на месте происшествия уже никого не было.

Капельдинер, дежуривший возле служебного входа в театр, посмотрел на часы – рабочий день кончился. Однако, прежде чем уйти, он должен был убедиться, что в служебном крыле никого не осталось.

– А что, Марина Леонидовна еще на рабочем месте? – осведомился капельдинер у выходящей из театра гардеробщицы.

– Не знаю. А что, мимо вас она не проходила?

– Нет, не проходила.

– Странно... Может, задержалась.

Капельдинер решил лично проверить, все ли в порядке в библиотеке. В конце концов, Марина Леонидовна – женщина немолодая, всякое может случиться...

Он миновал гардероб, прошел по длинному коридору, толкнул дверь библиотеки.

В просторном помещении с высоким сводчатым потолком царил полумрак. Горела только зеленая лампа на столе библиотекаря. Самой Марины Леонидовны видно не было. Но если дверь не заперта, стало быть, она где-то

там...

– Марина Леонидовна! – позвал капельдинер.

Его звучный, хорошо поставленный голос странно и гулко прозвучал в пустой библиотеке. Никто на него не отозвался.

– Марина Леонидовна, вы здесь? – повторил он громче, и теперь в голосе прозвучала тревога, как много лет назад, когда в одном фильме он играл мужчину, который находит в ванне мертвую соседку по коммунальной квартире. Роль была эпизодическая, но в титрах его имя значилось.

Капельдинер вообще мало снимался, в основном в эпизодах и массовках, да и в театре ему ни разу не досталась мало-мальски приличная роль. Подрабатывал на детских утренниках и сельских концертах, оттого и пришлось на старости лет стоять при дверях, будто швейцар в ресторане. Но в ресторане хоть на чай дают иногда...

Он еще раз аукнул, как в лесу, и снова ему никто не ответил. Внезапно его внимание привлекла приоткрытая дверь, ведущая в подсобное помещение в дальнем конце библиотеки. «Заснула она там, что ли? Ох, неладно что-то...» – подумал капельдинер и, подойдя к двери, на всякий случай постучал, а затем открыл пошире.

Библиотекарь уронила голову на рабочий стол и сидела неподвижно.

– Марина Леонидовна, что с вами? – тихо и испуганно проговорил капельдинер.

Женщина не ответила.

Он шагнул к столу и осторожно дотронулся до ее плеча. Голова женщины откинулась, и стало видно ее лицо.

Глаза Марины Леонидовны были широко распахнуты, рот приоткрыт, на губах выступила белесая пена, а на шее виднелась багровая полоса...

Тело начало сползать со стула, и капельдинеру пришлось подхватить его и усадить обратно. При этом он ощутил хрупкие косточки и осознал, какая же Марина Леонидовна старая. «Была», – тут же поправился он и снова вспомнил тот фильм и как красиво лежала актриса в ванне, а ее волосы колыхались в воде, как водоросли.

А ведь по сценарию ту женщину задушили. Как и Марину Леонидовну.

Тут до него наконец дошло очевидное: он стоит возле тела мертвой женщины, и смерть ее совершенно точно насильственная. Ему стало страшно в этой пустой темной библиотеке и даже показалось, что полки сдвигаются, угрожающе кренятся, и сейчас книжная лавина погребет его под собой...

В глазах потемнело, и капельдинер отошел от стола, чтобы не видеть этих выпученных глаз и белесой пены на губах. Стало полегче, и он вспомнил, что нужно вызвать полицию. Руки тряслись так, что он едва мог достать из кармана телефон, но тот оказался разряжен. Держась за стены и разевая рот, как рыба, вытщенная из воды, капельдинер побрел к выходу, и у него едва хватило сил, чтобы открыть дверь.

Увидев проходившую мимо компанию молодежи, он отчаянно замахал руками.

– Ты чего, дедушка? – спросил один из парней.

– Убийство! – внятно произнес капельдинер и сполз по стене на асфальт.

Илья выходил из торгового центра, когда зазвонил его мобильный. На дисплее высветился номер Германа Карловича, и Илья тут же поднес телефон к уху:

– Да, Герман Карлович, слушаю вас!

– Это не он... – раздался озабоченный женский голос.

– А кто говорит? – забеспокоился Илья. – Что случилось с Германом Карловичем?

– Его сбила машина. Он в Третьей городской больнице. Пришел в себя и попросил вас позвонить. Вы его родственник?

– Ну... можно сказать, родственник. Я сейчас приеду.

Через полчаса Илья уже был в больнице.

Герман Карлович лежал в четырехместной палате, у окна. На первый взгляд, на нем не было видно следов аварии – только темнели синие круги под закрытыми глазами. Медсестра ставила старику капельницу.

– Как он? Что с ним? – испуганно спросил Илья.

– Ушибы, сотрясение мозга. Но вы понимаете, в его возрасте это очень серьезно.

– А что случилось?

– Его сбила машина, которая тут же скрылась с места происшествия. Сначала Герман Карлович был без сознания, но потом пришел в себя и сказал, что хочет вас видеть.

Старик открыл глаза и, увидев Илью, слегка приподнялся. Губы его зашевелились, словно он что-то едва слышно говорил.

– Что? – Илья склонился над ним. – Что вы сказали? Гроздь? Не понял... Какая гроздь?

– Не гроздь! – внятно, с усилием произнес Герман Карлович. – Трость! Найди мою трость!

Илья удивленно взглянул на старика. Он что, бредит? Но глаза Германа Карловича блеснули, и он повторил тихо, но отчетливо:

– Найди мою трость! Это очень важно! Это касается того, о чем мы говорили последний раз...

После этого ювелир откинулся на подушку и закрыл глаза.

– Вы бы не волновали его, у него и так сил мало... – вмешалась медсестра и кивнула на капельницу. – Теперь он заснет. Вы утром приходите или после четырех, в приемные часы.

Илья отвел взгляд от старика и повернулся к медсестре:

– Где его вещи?

– На складе. Это на первом этаже, слева от приемного покоя.

С тяжелым сердцем Илья спустился на первый этаж, миновал приемный покой и прошел по длинному коридору, тускло освещенному редкими потолочными светильниками и облицованному выщербленной грязно-желтой плиткой. В конце коридора обнаружилась запертая дверь с табличкой: «Вещевой склад», к которой была прилеплена записка на обрывке желтоватой бумаги: «Буду через пять минут».

«Интересно, когда эта записка написана? – подумал Илья. – Пять минут назад или полчаса? А может, вообще позавчера?»

Он взглянул на часы и приготовился к ожиданию.

Прошло пять минут, десять, пятнадцать... Илья уже хотел сдать и уйти, как вдруг в коридоре послышались неторопливо приближающиеся шаги и появилась приземистая особа лет шестидесяти в несвежем грязно-белом халате, с жабым лицом и тускло-серыми, коротко остриженными волосами. Особа на ходу жевала пирожок с капустой.

Приблизившись к Илье, она недовольно зыркнула на него и проговорила склочным голосом:

– Что, уже на минуту отойти нельзя? А если человеку нужно, допустим, в туалет?

– Я вам, кажется, еще ничего не сказал, – удивленно отозвался Илья.

- Еще бы ты что-нибудь сказал! - фыркнула особа и неторопливо отперла дверь.

Илья привычно вздохнул, зная, что всему причиной его внешность. Такой весь округлый, мягкий, голос тихий, вежливый... вот люди и думают, что он тюфяк слабосильный и можно ему безнаказанно хамить.

За дверью оказался просторный склад, на полках которого были сложены мешки, сумки и пакеты с вещами пациентов.

Кладовщица зашла за деревянный барьер, дожевала пирожок и посмотрела на Илью:

- Ну?

- Я пришел за вещами.

- Фамилия, палата? - она потянулась к толстой амбарной книге в черном переплете.

- Кригер. Герман Карлович Кригер. Второе хирургическое отделение, седьмая палата.

- Родственник? - строго осведомилась кладовщица.

- Что?

- Этот Кригер тебе родственник?

- Ну да, дядя... - проговорил Илья, решив, что так будет проще, чем объяснять этой тетке реальное положение вещей.

- Паспорт! - отчеканила кладовщица.

- Его?

- Зачем мне его? Твой паспорт!

- Но я не взял паспорт... я не думал, что он понадобится...

- Не думал он! То-то и оно, что не думал! А надо думать! Без паспорта вообще из дома выходить нельзя! Мало ли что случится? Паспорт всегда нужно при себе иметь!

Илья собирался уже подсунуть тетке водительские права, но неожиданно кладовщица смягчилась:

- Ладно, если нет паспорта, просто распишись вот здесь. Только инициалы полностью.

Она придвинула Илье раскрытую книгу, показав толстым пальцем на нужную строчку. Илья вписал туда свою фамилию и инициалы, и кладовщица снова нахмурилась:

- Я сказала: инициалы полностью, а ты только буквы написал!

- Так это же и есть инициалы...

- Не умничай тут! Я сказала: полностью, значит, имя и отчество целиком написать нужно! Ну ладно, как написал, так и написал, но в следующий раз чтобы полностью...

- Надеюсь, я больше никогда сюда не попаду, - вполголоса пробормотал Илья.

Кладовщица, видимо, не расслышала его реплику и, взяв с одной из полок пакет с вещами, бросила его на прилавок. Илья на всякий случай заглянул в пакет - там была одежда Германа Карловича.

- А еще трость должна быть, - заметил он, вспомнив слова старого ювелира.

- Чего?

- Трость. У дяди была трость.

– Палка, что ли?

– Ну да, если хотите, палка. Черная такая. С серебряным набалдашником.

– Если хотите... – передразнила его кладовщица. – Я лично ничего не хочу! Это вы все время чего-то от меня хотите! Вас, между прочим, много, а я тут одна! Сижу здесь круглые сутки, света белого не вижу... так что – палка?

– Ну да, палка...

Кладовщица вернулась к полкам, порылась на них и принесла Илье три трости. Вернее, тростью можно было назвать только одну – черного дерева, с серебряным набалдашником в виде собачьей морды. Две другие и правда были скорее палки: одна суковатая, с кривой ручкой, вторая больше походила на лыжную палку, по всей видимости, это была палка для скандинавской ходьбы.

– Которая твоя? – лаконично осведомилась кладовщица.

Илья без колебаний выбрал трость из черного дерева, поскольку остальные никак не подходили Герману Карловичу, и покинул негостеприимный склад.

В коридоре он столкнулся со странной женщиной неопределенного возраста. Та шла, ссутулившись и высоко подняв воротник черного пальто, черный берет был сдвинут на лоб и почти закрывал глаза. Илья успел разглядеть только заостренное лисье личико. Впрочем, он не приглядывался, у него были другие заботы.

«Жалко Германа Карловича. Надо же, под машину попал. Не увидел, не успел отскочить... Старость не радость, это уж точно».

Илья вышел из больницы и направился к автостоянке. Пока он был в больнице, выпал снег, который почти сразу растаял и превратился в скользкую ледяную кашу. Илья уже подходил к своей машине и даже отключил сигнализацию, когда услышал за спиной чьи-то торопливые шаги и шумное, хриплое дыхание.

– Молодой человек! – раздался озабоченный женский голос. – Молодой человек, стойте! Стойте, я вам говорю!

Илья обернулся.

К нему торопливо приближалась та самая женщина, с которой он столкнулся в больничном коридоре. Только теперь воротник пальто был опущен, и берет она поправила, так что ему было хорошо видно хитрое лицо и неприязненно блестящие глаза.

– Молодой человек! – повторила женщина, тяжело дыша. – Вам по ошибке выдали мои вещи. Верните их мне!

– Ничего не знаю! – ответил Илья раздраженно. – Это мои вещи... то есть вещи моего родственника.

– Никакой он тебе не родственник! – прошипела женщина, приближаясь. – Отдай вещи по-хорошему! Отдай, а не то пожалеешь! Тебе же хуже будет!

– Что?! – Илья удивленно взглянул на женщину. Он решил, что ослышался. Угроза, звучавшая в ее словах, не вязалась с безобидной внешностью.

Впрочем, эта женщина казалась безобидной только на первый взгляд.

– Отдай! Отдай вещи! – тихо, настойчиво повторяла она, приближаясь к Илье.

Илья попятился и тут перехватил быстрый взгляд, который женщина бросила ему за спину. Он осторожно оглянулся и увидел, что сзади к нему крадучись приближается невысокий, сухопарый мужчина с прилизанными набок бесцветными волосами. С виду вроде бы пожилой, но сильный.

Илья огляделся по сторонам. Как назло, на больничной стоянке не было ни души.

– Не уйдешь! – прошипела женщина.

Илья закусил губу. Что делать?

Женщина приближалась, следя за ним, как кошка за мышью. Нет, скорее, как лиса за зазевавшимся цыпленком. И мужчина подходил сзади, Илья уже слышал его шумное дыхание.

Под влиянием какого-то неосознанного импульса он швырнул в женщину пакет с вещами Германа Карловича. Та, должно быть, не ожидала этого, инстинктивно потянулась, чтобы схватить пакет, и при этом потеряла равновесие, поскользнувшись на подтаявшем снегу. Упав навзничь, она нелепо раскинула ноги и руки и забарахталась, как упавший на спину жук.

Быстро обернувшись, Илья взмахнул тростью и попал нападавшему мужчине по руке.

В эту минуту произошло нечто странное.

Илье показалось, что серебряная собачья голова на набалдашнике трости открыла пасть и укусила нападавшего за руку. Так это было или Илье только показалось, но незнакомец вскрикнул, отскочил и затряс рукой.

Илья не стал ждать, юркнул в машину и резко выжал газ.

Уже выезжая со стоянки, в зеркале заднего вида он видел странную парочку, которая бежала за машиной, бессильно грозя кулаками и посылая вслед Илье проклятия.

Пакет с одеждой старого ювелира остался валяться на снегу, но не возвращаться же за ним! Главное, что трость, о которой так настойчиво говорил Герман Карлович, лежала на соседнем сиденье.

- Ну и ну! - Илья потряс головой и сосредоточился на дороге. Не хватало еще в аварию попасть, а обо всем остальном он подумает дома.

Илья вспомнил, что жена сегодня дежурит в больнице и придет такая усталая, что не заметит, как он расстроен, а утром он уйдет пораньше. Иначе придется все рассказать, Ленка все чувствует и не оставит его в покое.

Оказавшись дома, Илья первым делом обследовал трость. Перед глазами до сих пор стояла картина, как серебряная собачья голова укусила грабителя на больничной стоянке. Впрочем, ему наверняка только показалось - это был обычный серебряный набалдашник.

Последние магазины и офисы закрылись, в торговом центре наступила тишина.

- Можешь вылезать! Все ушли! – произнес дежурный охранник Леонид.

Тут же из стенного шкафа выбралась его собака, немецкая овчарка по кличке Астра.

Леонид давно и безуспешно убеждал владельца торгового центра принять Астру на работу, но тот был категорически против. Он считал, что охранные собаки – это каменный век, предмет для насмешек, что в наше время рассчитывать можно только на современные электронные системы и камеры наблюдения. К тому же собаки пачкают помещения, оставляют повсюду шерсть и прочие следы, а значит, разводят антисанитарию.

Однако истинная причина такого отношения была в другом: Лариса, жена владельца торгового центра, просто не любила собак. Точнее, не любила крупных, серьезных собак, в то время как у нее самой был померанский шпиц по кличке Артемий – нервное, истеричное создание, очень похожее на хозяйку.

Муж Ларисы, Виталий Андреевич, собачонку терпеть не мог, но тщательно это скрывал, так что апеллировать к нему по поводу Астры Леонид даже не пытался, однако он был так привязан к собаке и так рассчитывал на ее помощь в своей ответственной работе, что приводил на рабочее место и прятал в дежурке, пока все сотрудники центра не расходились.

Казалось бы, как можно незаметно провести здоровенную собаку весом больше тридцати килограммов? Однако, как говорится, голь на выдумки хитра. Леонид разработал целую схему, а помогал ему повар сетевого ресторана Леша, который был патологически добр и очень любил собак. Вечером Леша отправлялся в подвал и сажал Астру в грузовой подъемник, с помощью которого поднимали продукты в кухню ресторана, затем пересаживал ее в тележку и, прикрыв брезентом, отвозил в дежурку охранников, положив еще в качестве бонуса пару-тройку непроданных сэндвичей.

Выпустив Астру, Леонид обошел подведомственную территорию, убедился, что все закрыто, сигнализация включена, и вернулся в дежурку. На мониторах, где поочередно отображались картинки со всех камер видеонаблюдения в центре, все было спокойно. Леонид вскипятил чайник, развернул Лешины сэндвичи для

себя и Астры и достал журнал с кроссвордами.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Читайте романы Н. Александровой «Восемь обезьян» и «Кресло на чердаке».

Купить: <https://tellnovel.com/natalya-aleksandrova/ochi-nayady>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)